Корнилов А.А.
Партия народной свободы
Пг. 1917

ИЗДАНІЕ ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

А. А. Корниловъ.

ПАРТІЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ

(Историческій очеркъ).

Цѣна 20 коп.

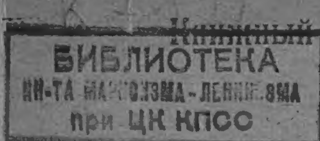
ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Склады изданій Партіи „Народной Свободы“:

Складъ и книгоиздательство „Право“, Литейный, 28, тел. 41-61, 661-27 и

Книжный складъ „Провинція“, Стремянная, 6, тел. 86-20, 139-97.

ВЫШЛИ и ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Что думала II Дума о землѣ. 10 коп.
В. А. Карауловъ. Цѣна 5 коп.
Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Республика. 20 коп.
М. М. Винаверъ. Исторія Выборгскаго воззванія. 45 коп.
Его же. Тактика партіи. 15 коп.
Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Учредительное Собраніе. 20 коп.
Резолюція съѣзда. 8 коп.
Н. И. Карѣевъ. Революція 1848 г. 20 коп.
А. А. Корниловъ. Исторія Партіи Народной Свободы. 20 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Г. В. Вернадскій. П. Н. Милюковъ.
Н. О. Лосскій. Чего хочетъ Партія Народной Свободы.
Б. Э. Нольде. Финляндія.
М. М. Карповичъ. Біографіи министровъ.
К. Н. Соколовъ. Учредительное Собраніе.
А. В. Тыркова. Константинополь.
П. В. Герасимовъ. Современный переворотъ.
А. М. Александровъ. Почему Германія начала войну?
А. М. Петрункевичъ. Великая французская революція. 30 к.

Справочный отдѣлъ по распространенію брошюръ и листовокъ: Петроградъ, Французская набережная, 8, кв. 5. Тел. 52-05.

Типографія П. П. Сойкина. Петроградъ, Стремянная, 12.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ [1].

Партія народной свободы окончательно образовалась и была объявлена открытой 18 октября 1905 г.—какъ разъ на другой день послѣ изданія манифеста 17 октября, въ тотъ самый день, въ который манифестъ этотъ былъ объявленъ въ Москвѣ, гдѣ засѣдалъ нашъ учредительный съѣздъ. Но было бы ошибочно думать, что партія народной свободы сформировалась лишь къ этому счастливому событію, когда впервые явилась возможность въ Россіи партіямъ всѣхъ политическихъ направленій начать свое открытое существованіе. Партія народной свободы существовала въ идеѣ гораздо раньше. Люди моего возраста уже въ концѣ 80-хъ годовъ пропагандировали совершенно тѣ же самые взгляды, которые теперь формулированы въ программѣ нашей партіи [2]). Но въ рядахъ нашей партіи есть и болѣе старые дѣятели, какъ, напр., всѣми уважаемый И. И. Петрункевичъ, который началъ свою политическую дѣятельность и борьбу еще съ 70-хъ годовъ, когда стала было разсѣиваться реакція, послѣдовавшая за реформами 60-хъ годовъ. Онъ впервые попытался тогда вести борьбу на открытой политической аренѣ, избравъ спеціально ареной этой борьбы земство [3]).

Программа наша была окончательно выработана въ 1905 г. и объединила кругъ лицъ, которые въ тотъ моментъ также явились не случайными членами партіи. Партія наша образовалась изъ двухъ общественныхъ организацій, которыя дѣйствовали до 1905 г., а именно: многимъ еще памятныхъ: «Союза Освобожденія» и «Союза земцевъ-конституціоналистовъ». Что касается «Союза Освобожденія», то онъ возникъ, какъ извѣстно, въ 1903 г., почти одновременно съ основаніемъ журнала «Освобожденіе» заграницей, редакторомъ котораго былъ П. Б. Струве. Въ этотъ Союзъ вошли тогда не только тѣ лица, которыя въ настоящее время входятъ въ партію, но и многіе

---

[1]) Лекція читанная 20 марта 1917 г. на курсахъ для лекторовъ и агитаторовъ партіи народной свободы.

[2]) См. мою статью въ «Русск. Мысли» за 1916 г. № 8 «Воспоминанія о юности Өедора Өедоровича Ольденбурга».

[3]) См. мою статью «Изъ исторіи конституціоннаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ г.г.». Въ «Русск. Мысли» за 1913 г. № 7.

другіе, послѣ образованія партіи, частью [1]) пошедшіе нѣсколько лѣвѣе, частью оказавшіеся правѣе насъ. Что касается земцевъ-конституціоналистовъ, то это былъ тотъ кружокъ земцевъ,— какъ земскихъ гласныхъ, такъ и земскихъ служащихъ, такъ называемаго третьяго элемента, которые, будучи участниками организаціи земскаго союза, при Сипягинѣ и Плеве, спеціально проводили среди этого общеземскаго теченія строго конституціонную струю. Въ числѣ членовъ «Союза Освобожденія» были такіе старые конституціоналисты, какъ упомянутый уже И. И. Петрункевичъ, и такіе народники, какъ Н. Ф. Анненскій (бывшій редакторъ «Русскаго Богатства»), какъ В. Г. Короленко, какъ А. В. Пѣшехоновъ,—которые впослѣдствіи организовали партію «народныхъ соціалистовъ»; рядомъ съ ними были и такіе земскіе дѣятели, какъ Петръ Дм. Долгоруковъ и Дм. Ив. Шаховской, который всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ нашихъ товарищей, являющійся вмѣстѣ и однимъ изъ яркихъ представителей современнаго кооперативнаго движенія въ Россіи. Въ Союзѣ Освобожденія участвовали и такіе писатели различнаго направленія, экономисты и публицисты, какъ П. Б. Струве, какъ В. В. Водовозовъ, который потомъ сдѣлался однимъ изъ лидеровъ трудовиковъ, какъ С. Н. Прокоповичъ, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарскій, которые основали впослѣдствіи такъ назыв. группу «безъ заглавія»,—«лѣвѣе к.-д.». Въ сущности говоря, Прокоповичъ и Кускова являлись и тогда по своимъ взглядамъ, соціалъ-демократами умѣреннаго образа мыслей, близкими по тактикѣ къ Плеханову, а Богучарскій, близко примыкавшій къ нимъ лично, являлся обломкомъ партіи «народной воли» 80-хъ г.г., сохранившимъ въ значительной мѣрѣ ея принципы. Часть этихъ лицъ, участвовавшихъ въ «Союзѣ Освобожденія», входила и въ тотъ кругъ земцевъ-конституціоналистовъ, о которомъ я упомянулъ. «Союзъ Освобожденія» и земцы-конституціоналисты были организаціями, по обстоятельствамъ того времени, подпольными или полуподпольными; они не могли дѣйствовать открыто. За нахожденіе номера журнала «Освобожденіе» или про-

---

[1]) О «Союзѣ Освобожденія» и группѣ «земцевъ-конституціоналистовъ» см. статью кн. Д. И. Шаховскаго: «Союзъ Освобожденія» въ сборникѣ «Зарницы» (№ 2, СПБ., 1909); отчетъ объ организаціонномъ съѣздѣ к.-д. партіи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ отъ 18—20 октября, 1905 г.); программа и уставъ к.-д. партіи въ брошюрѣ «Программа и постановленія к.-д. партіи» (М. 1905), а также «Отчетъ центральнаго комитета к.-д. партіи (партіи народной свободы) за 2 года, съ 18 октября 1905 года по октябрь 1907 г.» (СПБ. 1907 г.).

граммы «Союза Освобожденія» въ то время люди подвергались преслѣдованіямъ, иногда довольно серьезнымъ... Когда былъ изданъ манифестъ 6 августа 1905 г., явившійся результатомъ первой еще далеко неполной побѣды общественнаго движенія надъ самодержавіемъ, манифестъ, обѣщавшій созывъ законосовѣщательной Думы,—такъ называемой Булыгинской, и передъ русскими гражданами явилась перспектива выборовъ въ законодательныя учрежденія, то, по необходимости, явилась и перспектива образованія открытыхъ политическихъ партій. Вотъ тогда «Союзъ Освобожденія» и группа «земцевъ-конституціоналистовъ» выбрали изъ своей среды лицъ, которымъ поручили выработать программу новой открытой конституціонно-демократической партіи. «Союзъ Освобожденія» выбралъ для этого 40 человѣкъ, а группа земцевъ-конституціоналистовъ 20; но изъ этихъ 20-ти 15 человѣкъ оказались входящими и въ первую группу. Такимъ образомъ, организаціонное бюро, образовавшее партію, состояло изъ 45 лицъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 г. эти лица съѣхались въ Москвѣ и въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ выработали ту программу, которая до настоящаго времени остается почти неизмѣненной, и въ основу которой была положена старая программа «Союза Освобожденія». Программа эта является выраженіемъ тѣхъ основныхъ идей и принциповъ, которые объединили этихъ лицъ, являвшихся представителями русской интеллигентской демократіи. Эти идейныя основы, которыя для насъ являются незыблемыми, которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ подлежать измѣненію, пока партія жива, могутъ быть выражены старой демократической формулой: «свобода, равенство и братство», осуществленіе которой должно быть достигнуто при помощи свободной отъ всякихъ стѣсненій народной воли. Это и есть основной принципъ демократіи,—демократіи не якобинской, а признающей свободу народной воли,—принципъ, который былъ положенъ въ основу партіи народной свободы и который, дѣйствительно, ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть измѣненъ, пока партія остается себѣ вѣрна. Другое дѣло программа; программа партіи, хотя она и является одной изъ крупнѣйшихъ партійныхъ цѣнностей, все-таки, какъ всякая партійная практическая программа—такъ называемая программа—minimum,—вырабатывается лишь на обозримое ближайшее будущее, на обозримый рядъ лѣтъ, является комбинаціей партійныхъ принциповъ съ тѣми коньюнктурами и обстоятельствами, въ которыхъ въ данную эпоху общество и народъ живетъ и развивается. Программа, принятая нашимъ учредительнымъ собраніемъ, заключается въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

Отдѣлъ первый, гдѣ формулированы права личности и принципъ равноправія народностей и вѣроисповѣданій. Во второмъ отдѣлѣ изложены принципы свободнаго конституціоннаго и демократическаго государственнаго устройства, обезпечивающаго именно господство народной воли. На этомъ намъ необходимо остановиться. Въ тотъ моментъ, несомнѣнно, въ составѣ нашей партіи были лица, предпочитавшія республиканскій строй, были также и лица, которыя считали, что, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, въ Россіи республиканскій строй введенъ быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что, въ сущности говоря, тѣ принципы демократіи, которые лежатъ въ основѣ нашей партіи, допускаютъ возможность и той и другой формы правленія, лишь бы только свободный демократическій строй, свободное проявленіе народной воли были бы вполнѣ этой формой правленія обезпечены. Кромѣ демократической республики этому удовлетворяетъ такъ называемая конституціонная парламентарная монархія, если эта монархія основана на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Именно такую монархію, основанную на всеобщемъ избирательномъ правѣ, монархію парламентарную, т. е. управленіе страной при помощи отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ министерства,—мы и положили тогда въ основу нашихъ ближайшихъ предположеній. Но такъ какъ все-таки въ октябрѣ 1905 г. среди нашихъ сочленовъ струя чистаго республиканизма была довольно сильна, и, притомъ, у многихъ жила еще надежда, что революція еще не завершилась и что, можетъ быть, возможно, что будетъ достигнута болѣе полная побѣда надъ самодержавіемъ, чѣмъ та, которая была достигнута 17 октября, то члены партіи, которые принадлежали къ ея республиканскому крылу, настаивали на учредительномъ съѣздѣ, чтобы § 13, въ которомъ какъ разъ и выражается государственное устройство Россіи, былъ бы изложенъ такимъ образомъ: «конституціонное устройство Россійскаго государства опредѣляется основными законами». Здѣсь именно было сказано «государство», а не «имперія», чтобы оставить открытую дверь: въ случаѣ, если бы явилась возможность проведенія въ будущемъ республиканскаго строя, то чтобы можно было бы подвести этотъ строй подъ статью 13. Но съѣздъ, созванный въ октябрѣ 1905 г., происходилъ въ условіяхъ исключительныхъ, какъ разъ въ это время происходила первая большая всеобщая забастовка; поэтому многіе изъ членовъ нашей партіи, которые были приглашены участвовать въ ея учредительномъ съѣздѣ, не могли по-

пасть въ Москву; изъ многихъ губерній не могли туда поѣхать; нѣкоторые пріѣхали съ большимъ запозданіемъ, лишь преодолѣвъ огромныя затрудненія. Тѣ члены партіи, которые заблаговременно не выѣхали въ Москву изъ Петербурга, послѣ 12 числа, когда начался съѣздъ, выѣхать туда уже совсѣмъ не могли. Поэтому, когда съѣздъ кончился и была принята эта программа, то мы, признавая, что значительная часть нашихъ старыхъ товарищей по «Союзу Освобожденія» не участвовала въ выработкѣ этой программы по невозможности прибыть на съѣздъ, признали, что программа принята нами, такъ сказать, начерно и что надо созвать еще съѣздъ въ Петербургѣ, въ январѣ 1906 года, который получитъ также учредительный характеръ и который и долженъ былъ окончательно утвердить эту программу. Но къ январю 1906 г. революція была совершенно подавлена. И такъ какъ этотъ съѣздъ, какъ разъ, слѣдовалъ за вооруженнымъ возстаніемъ въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, то мы находились тогда подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ событій; каждому тогда сдѣлалось ясно, что, въ сущности говоря, практическаго значенія вопросъ о республикѣ имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ обозримомъ будущемъ. Съ другой стороны, такъ какъ въ нашей партіи многіе считали, что въ тотъ моментъ республиканскій строй совершенно не отвѣчалъ народной волѣ—конечно, не высказавшейся, но предполагавшейся,—то было признано желательнымъ, чтобы устранить всякія недоразумѣнія, изложить этотъ § гораздо болѣе точно, указавъ прямо, что партія наша въ ближайшемъ будущемъ признаетъ, какъ основной строй, конституціонную монархію. Поэтому § 13 былъ измѣненъ такимъ образомъ: «Россія должна быть конституціонной и парламентарной монархіей. Государственное устройство Россіи опредѣляется основнымъ закономъ». Такимъ образомъ, тутъ впервые была принята монархическая форма правленія, которая, затѣмъ, уже въ нашей программѣ и оставалась до послѣдняго времени. Третій отдѣлъ программы нашей партіи указывалъ тѣ принципы мѣстнаго самоуправленія и автономіи, которые мы признавали справедливымъ принять. Онъ допускалъ широкое мѣстное самоуправленіе; значительную власть органовъ мѣстнаго самоуправленія съ тѣмъ, чтобы органы эти точно такъ же, какъ и центральные органы законодательной власти, были основаны на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Наряду съ этимъ, что касается коренныхъ основъ государственнаго устройства, у насъ оста-

вался еще открытымъ вопросъ о томъ, какую избрать систему народнаго представительства: однопалатную или двухпалатную. Мы признали тогда, что вопросъ этотъ не важенъ съ точки зрѣнія принциповъ партіи: при извѣстномъ условіи можетъ быть допущена какъ однопалатная, такъ и двухпалатная система—лишь бы вторая палата не являлась органомъ консервативнымъ. Нами признавалось, что если въ Россіи будетъ осуществлена широкая децентрализація, то будетъ необходимо учредить и вторую палату въ цѣляхъ охраны областническихъ интересовъ. Вторая палата въ нашихъ предположеніяхъ являлась, такимъ образомъ, не тѣмъ консервативнымъ, сдерживающимъ апаратомъ, каковой она изъ себя представляетъ, когда составляется по системѣ цензоваго представительства или съ повышеннымъ возрастнымъ составомъ, т. е. изъ лицъ болѣе стараго возраста, а должна являться защитницей мѣстныхъ нуждъ и интересовъ. Поэтому, въ томъ случаѣ, если бы вторая палата была бы введена въ государственное устройство Россіи, она, по нашей мысли, должна бы была быть составлена изъ представителей не непосредственно выборныхъ отъ населенія, какъ первая палата, а отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, выборы въ которые должны быть основаны, въ свою очередь, на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Такимъ образомъ, составъ ея былъ бы демократичнымъ, но способъ выборовъ былъ бы двухстепенный. Вся разница въ составѣ обѣихъ палатъ заключалась бы только въ этомъ. Изъ другихъ отдѣловъ программы я не буду останавливаться на отдѣлѣ организаціи суда, потому что онъ, въ сущности говоря, является для всѣхъ прогрессивныхъ программъ одинаковымъ. Едва ли особенно стоитъ останавливаться также и на финансовой и экономической программѣ партіи, тѣмъ болѣе, что этотъ отдѣлъ требуетъ теперь существеннаго пересмотра.

Главные отдѣлы соціальной программы партіи заключались въ отдѣлахъ аграрнаго законодательства и рабочаго. Что касается аграрнаго законодательства, то здѣсь опять-таки отразились тѣ теченія, которыя въ этомъ отношеніи еще раньше существовали въ нашей партіи и въ «Союзѣ Освобожденія». Надо сказать, что основныя статьи этого отдѣла программы очень схожи съ соотвѣтствующими отдѣлами программы «Союза Освобожденія». Какъ въ «Союзѣ Освобожденія», такъ и въ нашей партіи сошлись лица, которыя свои соціальные идеалы, идеалы будущаго соціальнаго строя признавали осуществимыми лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но у насъ были также и лица, которые соціа-

листическій строй совершенно отрицали. Въ виду того, однако, что всѣ они одинаково исходили изъ началъ демократіи, а также въ виду того, что осуществленіе соціалистическаго строя и для его приверженцевъ несомнѣнно можетъ представляться только вопросомъ отдаленнаго будущаго, совмѣстительство этихъ двухъ теченій въ одной партіи, состоявшей изъ приверженцевъ реальной политики, представлялось вполнѣ допустимымъ, вполнѣ возможнымъ. Надо сказать, что 12-лѣтнее существованіе партіи это подтвердило, потому что никакой розни между представителями соціалистическихъ идеаловъ и представителями идеаловъ индивидуалистическихъ въ отношеніи соціальнаго строя никогда у насъ не возникало, хотя споры между ними и происходили нерѣдко. Для насъ, къ тому же, съ самаго начала было ясно, что проектировать совершенно однообразный аграрный строй въ такой странѣ, какъ Россія, которая по своему пространству и по разнообразію населенія совмѣщаетъ чрезвычайно различныя бытовыя особенности, соединяетъ населеніе съ весьма разнообразнымъ правосознанімъ, нѣтъ никакой возможности. Навязать такому огромному и разноплеменному цѣлому одинаковый аграрный строй безъ насилія надъ народной волей, очевидно, невозможно. Это признаніе и отразилось на основныхъ пунктахъ нашей аграрной программы; основныя положенія ея изложены въ двухъ пунктахъ: въ § 36, который говоритъ: «Увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ то: безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства, въ потребныхъ размѣрахъ, частно-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ». § 37: «Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе, личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи». Такимъ образомъ, наша аграрная программа, въ основныхъ своихъ пунктахъ, предполагаетъ широкую демократизацію землевладѣнія, предполагаетъ надѣленіе крестьянъ безземельныхъ и малоземельныхъ, или, точнѣе говоря, вообще земледѣльцевъ надѣлами, на которыхъ можно было бы вести трудовое хозяйство. Съ другой стороны, предполагается принуди-

тельное, но возмездное, отобраніе земель, которыя находятся въ рукахъ лицъ или учрежденій, которыя сами эти земли не обрабатываютъ. Сюда, прежде всего, относятся земли государственныя, удѣльныя, кабинетскія и монастырскія, которыя предполагалось отчудить безвозмездно. Затѣмъ предполагалось, что всѣ частновладѣльческія земли, превышающія извѣстный размѣръ хозяйства, могутъ быть также отобраны у ихъ владѣльцевъ принудительно, но съ оплатой имъ вознагражденія по справедливой оцѣнкѣ. Что касается второй части аграрной программы, то способъ передачи земель трудящемуся населенію, способъ, на которомъ они будутъ владѣть передаваемыми землями, долженъ быть установленъ не центральнымъ, а мѣстными законодательствами, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ въ каждой отдѣльной части Россіи. Въ то время предполагалось, что для Великороссіи господствующей формой землевладѣнія явится общинная форма; наоборотъ, для Малороссіи общинная форма являлась бы совершенно непріемлемой. Тамъ— а по мнѣнію многихъ и не только тамъ,—по складу своего правосознанія, крестьяне не признали бы себя удовлетворенными, если бы имъ былъ навязанъ принципъ общиннаго землевладѣнія. Остальные параграфы аграрной программы указываютъ на болѣе частныя условія упорядоченія—особенно до тѣхъ поръ, пока коренная аграрная реформа совершится—существующихъ земельныхъ отношеній, т. е. отношеній арендныхъ, отношеній сельско-хозяйственнаго найма, улучшеніе мелкихъ хозяйствъ и т. д.

Что касается рабочаго законодательства, то наша программа болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ, въ сущности говоря, программамъ—минимуму соціалистическихъ партій; въ ней никакихъ намековъ на соціализмъ, конечно, не встрѣчается, но и программа минимумъ соціалистическихъ партій также о соціализаціи фабрикъ и вообще крупнаго производства не говоритъ; всѣ пункты этой программы сводятся лишь къ практическому улучшенію положенія рабочихъ въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя,—къ облегченію условій борьбы съ капиталомъ, которую рабочимъ приходится вести. Наша партія въ этомъ отношеніи рѣзко отличается, однако, отъ соціалъ-демократіи тѣмъ, что мы, стоя на внѣ-классовой позиціи, считая, что мы должны преслѣдовать интересы всѣхъ классовъ, полагаемъ, что, хотя классовый антагонизмъ существуетъ и, разумѣется, въ классовой борьбѣ надо помогать слабѣйшему, но, тѣмъ не менѣе, обостреніе классоваго антагонизма, положеніе его во главу угла соціальной по-

литики—противорѣчило бы кореннымъ нашимъ принципамъ. Поэтому наше рабочее законодательство сводилось къ слѣдующимъ пунктамъ:

41. Свобода рабочихъ союзовъ и собраній.

42. Право стачекъ. Наказуемость правонарушеній, совершаемыхъ во время или по поводу стачекъ, опредѣляется на общемъ основаніи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть увеличиваема.

43. Распространеніе рабочаго законодательства и независимой инспекціи труда на всѣ виды наемнаго труда; участіе выборныхъ отъ рабочихъ въ надзорѣ инспекціи за исполненіемъ законовъ, охраняющихъ интересы трудящихся.

44. Введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. Немедленное осуществленіе этой нормы всюду, гдѣ она въ данное время возможна, и постепенное ея введеніе въ остальныхъ производствахъ. Запрещеніе ночныхъ и сверхурочныхъ работъ, кромѣ технически и общественно необходимыхъ.

45. Развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей и установленіе особыхъ мѣръ охраны труда мужчинъ во вредныхъ производствахъ.

46. Учрежденіе примирительныхъ камеръ изъ равнаго числа представителей труда и капитала для нормировки всѣхъ отношеній найма, не урегулированныхъ рабочимъ законодательствомъ, и разбора споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями.

47. Обязательное при посредствѣ государства страхованіе отъ болѣзни (въ теченіе опредѣленнаго срока), несчастныхъ случаевъ и профессіональныхъ заболѣваній, съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ предпринимателей.

48. Государственное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду для всѣхъ лицъ, живущихъ личнымъ трудомъ.

49. Установленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

Послѣдній отдѣлъ программы относится къ вопросамъ просвѣщенія и имѣетъ своей задачей, въ согласіи съ другими отдѣлами прогрессивныхъ партій, возможно широкое распространеніе просвѣщенія и полную его демократизацію.—Вотъ въ основныхъ чертахъ та программа, которая была принята на первомъ Съѣздѣ, и которая затѣмъ потерпѣла лишь незначительныя въ сущности измѣненія на 2-мъ. Но, въ настоящее время мы стоимъ предъ существеннымъ ея пересмотромъ. Совершенно неожиданно для самихъ тогдашнихъ членовъ нашего учредительнаго Съѣзда,

въ настоящее время передъ нами открыты двери для республики. Монархія низвергнута новой побѣдоносной революціей. Несомнѣнно, ни одинъ изъ нашихъ республиканцевъ, какъ я уже сказалъ, въ то время не думалъ, что ему практически придется отстаивать возможность осуществленія республики въ жизни, особенно въ ближайшее время, почему тогда наши республиканцы не возражали противъ парламентарной монархіи. Программа, принятая на второмъ Съѣздѣ, легла въ основу дальнѣйшей партійной дѣятельности, какъ вообще въ странѣ, такъ и во время выборовъ въ законодательныя учрежденія и въ самихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Передъ первой Думой, которая, какъ вы знаете, была созвана въ апрѣлѣ 1906 года, у насъ состоялся третій Съѣздъ партіи, который явился своего рода форъ-парламентомъ передъ первой Гос. Думой[1]). На этомъ Съѣздѣ программа партіи не пересматривалась, хотя аграрный вопросъ, въ виду предстоявшаго немедленнаго внесенія въ открывавшуюся Думу, сталъ на очередь очень остро и возбуждалъ на этомъ съѣздѣ большія пренія. При этомъ выяснилось, что среди нашихъ членовъ есть теченіе, которое желало бы измѣнить нашу программу опредѣленнымъ признаніемъ идеи націонализаціи земли. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ преній, программа по аграрному вопросу, однако, осталась неизмѣненной, но подъ нее былъ подведенъ общій руководящій принципъ, въ видѣ принятаго Съѣздомъ положенія, что обрабатываемая земля вообще должна быть передана въ руки трудящихся. Затѣмъ въ этомъ смыслѣ были выработаны основныя положенія аграрнаго законопроекта, которыя съ открытіемъ Думы и были внесены на ея обсужденіе. Положенія эти, намѣченныя на съѣздѣ, были затѣмъ окончательно разработаны въ думской комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ покойный В. Е. Якушкинъ, главнымъ же защитникомъ ихъ въ Думѣ явился покойный М. Я. Герценштейнъ. Этотъ аграрный вопросъ въ первой Думѣ, въ которой впервые крестьянство оказалось представленнымъ чрезвычайно сильно, вызвалъ страстныя рѣчи; земельный вопросъ дебатировался чрезвычайно горячо и сдѣлался центральнымъ вопросомъ всей кратковременной дѣятельности 1-ой Гос. Думы[2]). Въ основу обсужденія въ этой 1-ой Думѣ было положено наше заявленіе 42 членовъ, къ которому было

---

[1]) «Протоколы III общеземскаго делегатскаго съѣзда партіи народной свободы» изданы особою книгою (СПБ. 1906).

[2]) См. «Стенографическіе отчеты I-й Государственной Думы», а также сборникъ «Первая Государственная Дума» (въ 3-хъ частяхъ, изд.

присоединено другое заявленіе 104 членовъ, внесенное трудовиками; это послѣднее заявленіе, въ сущности, отличалось отъ нашего только въ отношеніи вознагражденія; тамъ вознагражденіе предполагалось не по оцѣнкѣ земель, а въ смыслѣ вознагражденія пенсіоннаго характера, назначаемаго лицамъ, у которыхъ была бы отобрана земля. Въ основу вырабатывавшагося думской комиссіей законопроекта легли все же наши партійныя положенія; разработка шла такимъ темпомъ, что, повидимому, можно было ожидать въ скоромъ времени принятія этихъ основныхъ положеній Думой, послѣ чего комиссія предполагала перейти къ подробной разработкѣ и введенію самой аграрной реформы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Надо сказать, что постановка на очередь такого вопроса, конечно, возбудила чрезвычайное противодѣйствіе, главнымъ бразомъ, въ классѣ землевладѣльцевъ, а также и вообще въ командующихъ классахъ. Имъ представлялось, что это начало соціальной революціи, съ которымъ надо самымъ энергичнымъ образомъ бороться. Тогда явился, какъ извѣстно, на сцену союзъ объединеннаго дворянства, который получилъ большое вліяніе въ правительственныхъ кругахъ, и проводниками идей этого Союза явился и тогдашній премьеръ Горемыкинъ, и въ особенности тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ. По мѣрѣ того, какъ Дума приближалась къ окончанію своей работы по аграрному вопросу, правительство всячески старалось, съ одной стороны, затормазить работу, а съ другой, вызвать у населенія недовѣріе къ думской работѣ. Правительство не останавливалось и передъ клеветническими и явно демагогическими пріемами борьбы, и вотъ на третій мѣсяцъ существованія Думы въ Правительственномъ Вѣстникѣ неожиданно появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ указывалось—при чемъ Дума, правда, прямо не называлась—что при проведеніи той программы, которая теперь выставляется демократическими партіями, окажется необходимымъ отнять землю не только у землевладѣльцевъ, но и у крестьянъ, вообще у всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ, что придется отнять у крестьянъ всю купленную землю; затѣмъ указывалось, что тѣ платежи за землю, которые потребуются, могутъ быть для нихъ раззорительны. Про себя же правительство говорило, что путемъ разумно проведенныхъ земельныхъ преобразованій, путемъ учрежденія какого-то новаго земельнаго банка, можно будетъ сдѣлать все это гораздо

А. А. Мухановымъ и В. Д. Набоковымъ). Срав. также книгу «Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы за 1905—1907 г.г.» (СПБ., 1907 г.).

болѣе безболѣзненными, нормальными путями. Когда появилось такое оповѣщеніе, то Гос. Дума признала необходимымъ на это реагировать. Предположено было издать воззваніе къ населенію, въ которомъ объяснить дѣятельность Думы, призывая населеніе сохранять спокойствіе до тѣхъ поръ, пока Дума не разработаетъ своихъ аграрныхъ предположеній.—Конечно, острота положенія въ 1-ой Гос. Думѣ не ограничивалась постановкой на очередь этого аграрнаго вопроса во всю широту; рядомъ съ этимъ былъ поставленъ на очередь и цѣлый рядъ другихъ важныхъ вопросовъ. На третьемъ Съѣздѣ нашей партіей былъ разработанъ, въ законодательной комиссіи Съѣзда, цѣлый рядъ законопроектовъ о свободахъ, о равноправіи, о привлеченіи къ суду тѣхъ чиновниковъ—правонарушителей, которые дѣйствовали во время революціи рука объ руку съ черносотенными погромами; объ амнистіи, касающейся всѣхъ родовъ политическихъ и религіозныхъ «преступниковъ». Такимъ образомъ, въ сущности говоря, весь существующій административный строй также становился предметомъ ближайшей реформаторской дѣятельности. Само собой разумѣется, это также, въ свою очередь, вызвало чрезвычайно острое желаніе противодѣйствія, въ особенность со стороны высокопоставленнаго чиновничества. Въ концѣ концовъ, въ виду того, что къ моменту развитія дѣятельности 1-ой Гос. Думы революція была въ значительной мѣрѣ подавлена, и населеніе обнаруживало значительное утомленіе и страхъ передъ эксцессами и въ то же время было лишено прочной организаціи,—правительство, въ лицѣ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина, очень ловко учло выгодность своего положенія, и рѣшилось послѣ нѣкоторыхъ колебаній распустить Думу. Этотъ роспускъ Думы разсматривался нашей партіей, какъ роспускъ, хотя формально и правомѣрный, но несомнѣнно сдѣланный вопреки народной волѣ, вопреки тѣмъ массовымъ изъявленіямъ довѣрія и симпатіи къ Думѣ, которыя тогда со всѣхъ сторонъ получала отъ населенія 1-ая Гос. Дума; вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленіе созыва Думы на цѣлые семь мѣсяцевъ отъ момента ея роспуска, разсматривалось, какъ своего рода фактическое нарушеніе народныхъ правъ. Руководствуясь этими взглядами, центральный комитетъ нашей партіи рѣшилъ не подчиняться безропотно этому роспуску. Большинство членовъ Думы, не допущенные въ зданіе Думы, поѣхали въ Выборгъ—и тамъ рѣшили издать извѣстное Выборгское воззваніе, въ которомъ призывали населеніе не платить правительству податей и не давать солдатъ до тѣхъ поръ, пока правительство вновь не созоветъ Думу. Это Выборгское воззваніе,

совершенно понятное по своему назначенію и вѣрно отразившее охватившее тогда всѣ слои общества и народа негодованіе, оказалось, однако, фактически неудачнымъ: населеніе, вслѣдствіе охватившаго его утомленія и отсутствія достаточной организованности, не поддержало Выборгскаго воззванія; единственнымъ его результатомъ явился судъ надъ подписавшими его членами Думы, при чемъ этому суду были подвергнуты свыше 180 лицъ,—весь почти цвѣтъ нашей партіи. Они отбыли послѣ суда тюремное заключеніе, что, можетъ быть, не такъ важно, какъ то, что при этомъ они были лишены права участвовать въ дальнѣйшихъ выборахъ въ Гос. Думу и во всѣ другія общественныя учрежденія. Вотъ это лишеніе ихъ избирательныхъ правъ и открытаго участія въ общественной жизни страны подорвало не только ихъ, но и партію, такъ какъ, повторяю, это былъ цвѣтъ нашей партіи, лучшіе ея представители, выбранные въ 1-ую Гос. Думу. Этому наказанію подверглись почти всѣ выдающіеся члены партіи, за исключеніемъ немногихъ, которые счастливымъ образомъ отъ этого уцѣлѣли,—уцѣлѣли благодаря тому, что или раньше были «разъяснены» въ отношеніи избирательнаго ценза, или раньше еще отданы подъ судъ и, какъ состоящіе подъ судомъ, не допущены къ выборамъ въ 1-ую Думу. Только благодаря этому нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ лидеровъ уцѣлѣли отъ послѣдствій Выборгскаго процесса. Когда 1-ая Дума была распущена, правительство, руководимое тогда Столыпинымъ, который въ тотъ моментъ сдѣлался премьеромъ, предприняло рядъ весьма ловко задуманныхъ мѣръ: оно рѣшило не только распустить Думу и, такимъ образомъ, пресѣчь всякую возможность дальнѣйшаго развитія этого «кадетскаго похода»—какъ тогда выражались,—но и противопоставить ему свой собственный, если не походъ, то свой собственный способъ показнаго удовлетворенія народной нужды. Столыпинъ въ 1906 г. въ междудумье, пользуясь ст. 87 полож. о Думѣ, издалъ цѣлый рядъ новеллъ, временныхъ указовъ, которые могли казаться крестьянскому населенію—несомнѣнно онъ на это и разсчитывалъ, — довольно соблазнительными. По одной новеллѣ должны были быть переданы крестьянскому банку нѣкоторыя кабинетскія земли; затѣмъ была разрѣшена продажа тому же банку нѣкоторыхъ другихъ земель, принадлежащихъ удѣламъ. Сверхъ этого, въ ноябрѣ 1906 г. былъ изданъ особый указъ (9 ноября 1906 г.), по которому фактически подрывалось великорусское общинное землевладѣніе, ибо, по этому указу, каждому отдѣльному общиннику было предоставлено выдѣляться со своимъ надѣломъ и требовать себѣ отвода особаго надѣла,

въ отрубномъ видѣ. Затѣмъ (указъ 15 ноября 1906 г.) назначались особыя средства для выдачи подъ такія земли особыхъ ссудъ. Этимъ законодательствомъ правительство стремилось подкупить въ свою пользу извѣстный слой крестьянскаго населенія, главнымъ образомъ тѣхъ крестьянъ, которые являлись наиболѣе имущими. Такимъ образомъ, крестьянство должно было разслоиться на два элемента: съ одной стороны сѣрое крестьянство, болѣе или менѣе задолженное и закабаленное нуждой, а съ другой стороны—крестьянство выдѣленное, болѣе или менѣе имущественно обезпеченные домохозяева, на которыхъ правительство и думало въ дальнѣйшей своей политикѣ опираться. Издавъ эти законоположенія, правительство собрало вторую Думу, предполагая, что эта вторая Дума, гдѣ опять таки представители крестьянства были въ большинствѣ, въ виду этого законодательства, пойдетъ ему навстрѣчу. Но оно чрезвычайно ошиблось: во 2-ую Думу населеніе послало еще болѣе лѣвыхъ представителей, чѣмъ тѣ, которые были въ первой Думѣ; въ частности, наша партія при этомъ потерпѣла нѣкоторой ущербъ, потому что отчасти благодаря тому, что большинство нашихъ лѣвыхъ представителей было лишено избирательныхъ правъ, отчасти благодаря обостренію на мѣстахъ опозиціи, были выбраны болѣе лѣвые элементы[1]). Несмотря на болѣе лѣвый составъ 2-й Думы, настроеніе во 2-й Думѣ, въ сущности говоря, съ самаго начала было менѣе яркое и революціонное, нежели въ 1-й Думѣ, въ особенности въ отношеніи политическомъ, въ отношеніи къ правительству. Тогда какъ въ 1-ой Думѣ по адресу правительства раздавались чрезвычайно рѣзкія, совершенно даже неумѣренныя, обвиненія, допускались иногда чрезвычайно рѣзкія выходки, 2-я Дума старалась вести себя умѣреннѣе, несмотря на свой лѣвый составъ. Въ это время въ населеніи явился лозунгъ «берегите Думу»; этотъ лозунгъ береженія Думы во 2-ой Гос. Думѣ проходитъ красною нитью черезъ всю ея дѣятельность. Тѣмъ не менѣе и во второй Думѣ земельный вопросъ и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ были выдвинуты къ разрѣшенію. Такъ какъ правительство очень скоро увидало, что предпринятыя имъ мѣры не ведутъ къ цѣли, что на Думу, составленную по тому избирательному закону, который былъ данъ 11 декабря 1905 года въ исполненіе манифеста 17 октября, оно опираться не въ состояніи и должно или

[1]) См. сборникъ статей П. Н. Милюкова «Вторая Дума» (Спб., 1907), а также книгу «Вторая Государственная Дума», составл. А. И. Каминкой и В. Д. Набоковымъ (Спб., 1907).

уступить народнымъ требованіямъ, или постоянно Думы распускать, рѣшило распустить 2-ую Гос. Думу. Поводомъ для роспуска Думы, въ виду того, что сама Дума всячески старалась этого повода не давать, въ виду лозунга береженія Думы, правительство избрало особый методъ:—своего рода провокацію—оно подкараулило соціалъ-демократическую группу членовъ Гос. Думы и сдѣлало обыскъ въ ея помѣщеніи, куда приходили нѣкоторые солдаты, можетъ быть, самимъ правительствомъ или его агентами подосланные,—и объявило всю соціалъ-демократическую фракцію, въ числѣ 45 человѣкъ, повинною въ государственномъ заговорѣ; при чемъ Думѣ было предъявлено требованіе: исключить всѣхъ ихъ изъ своей среды, и выдать правительству для слѣдствія и суда. Дума объявила, что она выдать ихъ не можетъ, не разслѣдовавъ дѣла. Когда же началось это разслѣдованіе, то правительство, не выждавъ его окончанія и, прикрываясь тѣмъ, что, будто бы, Дума противится выдачѣ заговорщиковъ, распустило ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, издало указъ 3 іюня 1907 года, совершенно измѣнившій избирательную систему, которая была подстроена на этотъ разъ такимъ образомъ, чтобы въ новую Думу могли попадать въ достаточномъ большинствѣ представители консервативныхъ имущихъ классовъ. Конечно, при этомъ новомъ избирательномъ законѣ, введенномъ такимъ антиконституціоннымъ порядкомъ, которому населеніе только потому и не сопротивлялось, что оно было совершенно разгромлено контръ-революціонными мѣрами, которыя тогда правительство безъ всякихъ стѣсненій проводило, въ 3-ю Гос. Думу вошли, конечно, совершенно иные элементы, чѣмъ въ первые двѣ Думы. Наша партія попала туда въ числѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ—около 50. Большинство въ этой 3-й Думѣ получилось у октябристовъ вмѣстѣ съ націоналистами; такимъ образомъ, для правительства явилась возможность созданія въ этой Думѣ такого праваго или умѣренно-праваго большинства, на которое Столыпинъ и попробовалъ опираться. Надо сказать, что обостреніе, внесенное аграрнымъ вопросомъ и вообще всей той борьбой, которая была поднята въ первой Гос. Думѣ, продолжавшейся и во второй,—до такой степени подняло на ноги, обозлило все помѣщичье сословіе и нѣкоторыхъ крупныхъ капиталистовъ, что въ началѣ 3-ей Думы создалась такая контръ-революціонная атмосфера, что представителямъ какихъ-нибудь лѣвыхъ направленій, и особенно нашимъ, почти не было возможности выступать. Каждый разъ, когда П. Н. Милюковъ появлялся на каѳедрѣ, начинались свистки и дикіе крики, которые ему не давали говорить. Ска-

зать рѣчь въ этой Думѣ въ первую ея сессію представлялось чрезвычайнымъ трудомъ для представителей нашей партіи. Вѣроятно, многіе еще помнятъ то засѣданіе, когда Ф. И. Родичевъ позволилъ себѣ указать, что со временемъ о веревкѣ висѣльника будутъ говорить, какъ о Столыпинскомъ галстукѣ, намекая на то огромное количество смертныхъ казней, которыя производились тогда правительствомъ. Это выраженіе вызвало тогда такое страстное, дикое нападеніе на Фед. Изм., что одно время казалось, что, можетъ быть, въ Думѣ будетъ побоище. Такимъ образомъ, всю первую сессію 3-ей Думы нашимъ сочленамъ было почти невозможно выступать. Но, мало-по-малу, благодаря наладившейся работѣ въ коммисіяхъ, въ особенности въ бюджетной комиссіи, — гдѣ съ большимъ успѣхомъ сталъ выступать А. И. Шингаревъ,—благодаря тому, что спеціалистомъ, вполнѣ понимавшимъ вопросы внѣшней политики, оказался въ 3-ей Гос. Думѣ одинъ только П. Н. Милюковъ, благодаря тому, что по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ только члены нашей партіи могли произносить достаточно основательныя рѣчи и достаточно основательно ставить вопросы, скоро начали ихъ слушать и въ 3-ей Думѣ. Къ концу 3-ей Гос. Думы, которая продолжалась всѣ положенные пять лѣтъ, положеніе нашей партіи значительно измѣнилось. Хотя она продолжала оставаться въ меньшинствѣ, и большинство продолжало относиться къ ней совершенно враждебно, но острыхъ конфликтовъ уже не было. Съ другой стороны, то поведеніе правительства, которое въ это время продолжало развивать свою реакціонную дѣятельность, идя все болѣе и болѣе направо,—при чемъ Столыпинъ, опиравшійся въ началѣ 3-ей Думы на октябристовъ, потомъ сталъ опираться на націоналистовъ и, наконецъ, сталъ даже подавать руку крайнимъ правымъ—вновь стало возбуждать въ населеніи ту опозицію, которая затихла въ нашемъ обществѣ въ первые годы 3-ей Гос. Думы. 3-я Дума закончила свое существованіе при измѣнившемся уже въ значительной мѣрѣ настреніи общества; въ обществѣ вновь стало проявляться довольно острое отношеніе къ правительству. Конечно, прежде всего тутъ сыграла роль та беззастѣнчивая политика, которую позволяло себѣ обнаглѣвшее въ это время правительство. Достаточно напомнить тотъ случай, когда Столыпинъ—не имѣя возможности провести черезъ Гос. Совѣтъ и черезъ Гос. Думу цѣликомъ законопроектъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ, который онъ задумалъ и который одними своими сторонами возбуждалъ возраженія Думы, а благодаря другимъ не могъ пройти въ Гос. Совѣтѣ,—рѣшился распустить

на три дня законодательныя учрежденія и въ этотъ трехдневный срокъ издать законъ по ст. 87, нагло нарушивъ, такимъ образомъ, права законодательныхъ учрежденій. Въ этомъ случаѣ не только члены Гос. Думы всѣхъ почти партій, но даже члены Гос. Совѣта пришли къ крайнее возбужденіе противъ правительства, и, несомнѣнно, эта политика тогда же дала видимые плоды въ общественномъ настроеніи. Но, какъ вы знаете, Столыпинъ во время послѣдней сессіи 3-ей Гос. Думы былъ внезапно убитъ агентомъ-провокаторомъ въ Кіевѣ, мѣсто его занялъ Коковцевъ. На первыхъ порахъ это очень мало измѣнило отношеніе правительства къ 3-й Гос. Думѣ. Когда же начались выборы въ 4-ю Гос. Думу, то тутъ правительство, направляемое въ сторону реакціи волею самого монарха, вновь рѣшилось сдѣлать попытку искусственно создать въ новой Думѣ еще большее правое большинство, способное къ прямымъ антиконституціоннымъ актамъ. При помощи оберъ-прокурора Синода Саблера оно сдѣлало попытку сорганизовать правое духовенство и этимъ путемъ добиться вновь болѣе выгоднаго для себя положенія въ новой 4-й Гос. Думѣ. Но на выборахъ правительство потерпѣло фіаско; оказалось, что, несмотря на самое беззастѣнчивое веденіе избирательной компаніи, въ концѣ концовъ, выборы правительству не удались: въ результатѣ, въ 4-ю Гос. Думу прошелъ составъ болѣе лѣвый, чѣмъ тотъ, который былъ въ 3-й Гос. Думѣ.

Правда, центръ, съ которымъ какъ разъ правительство поссорилось, противъ котораго оно дѣйствовало и на выборахъ, потерпѣлъ ущербъ, но не въ пользу правыхъ, а, главнымъ образомъ, въ пользу лѣвыхъ партій, въ томъ числѣ и нашей партіи, а больше всего въ пользу новой группы прогрессистовъ, которая, вмѣстѣ съ нашей партіей, какъ будто получила нѣкоторые шансы на составленіе при помощи блока прогрессивныхъ и умѣренныхъ группъ хотя бы небольшаго большинства въ 4-ой Гос. Думѣ. Надо сказать, однако, что все таки въ началѣ существованія 4-й Думы отношеніе лѣвыхъ и правыхъ группъ въ ней было довольно неопредѣленное; составить опредѣленное большинство на первыхъ порахъ было довольно трудно. Въ теченіе двухъ первыхъ сессій 4-й Г. Думы образовалось чрезвычайно неопредѣленное положеніе, не дававшее возможности ни правительству послѣдовательно проводить въ Думѣ какую либо свою политику, ни обществу, такъ какъ оно потеряло возможность опираться на большинство Думы, ни самой Думѣ, которая не имѣла возможности создать какое-нибудь дѣеспособное

большинство [1]). Только въ 1913 г., когда правительство стало опять рѣзкими мѣрами, при вернувшемся къ власти старомъ главарѣ его Горемыкинѣ и при попавшемъ въ его среду кружкѣ самыхъ реакціонныхъ министровъ, какъ Маклаковъ, Щегловитовъ и Саблеръ, дѣлать попытки антиконституціонныхъ обрѣзываній правъ Гос. Думы,—тогда только начали вырисовываться первые абрисы возможныхъ блоковъ, возможныхъ комбинацій въ 4-й Гос. Думѣ, направленныхъ на борьбу съ правительствомъ, но въ это время явилось новое обстоятельство: мировая война, которая съ этого момента перевернула верхъ дномъ всю политику.

Когда началась война, явившаяся, въ сущности говоря, неожиданной, несмотря на то, что несомнѣнно было всѣмъ извѣстно, что война именно такого характера легко можетъ возникнуть, когда вспыхнула эта война, подготовлявшаяся длительными обстоятельствами и вызванная въ конечномъ счетѣ балканскими происшествіями послѣднихъ лѣтъ, въ этотъ моментъ партія народной свободы заняла по отношенію къ ней совершенно опредѣленное положеніе—положніе, котораго ни противники партіи, ни правительство, ни внѣшній врагъ, напавшій на Россію,—вѣроятно не ожидали. Какъ только была объявлена война, на дургой же день партія выступила съ воззваніемъ, въ которомъ высказывалась увѣренность, что всѣ члены партіи исполнятъ долгъ россійскихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. «Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства—было сказано въ этомъ воззваніи,—нашъ первый долгъ—сохранить нашу страну единой и нераздѣльной и удержать за ней то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается у насъ врагами. Отложимъ же наши внутренніе споры и будемъ твердо помнить, что теперь—первая и единственная задача наша поддержать борцовъ вѣрою въ правоту нашего дѣла, спокойной бодростью и надеждою на успѣхъ нашего оружія».

Эта нота, которая прежде всего раздалась отъ партіи народной свободы, сейчасъ же объединила около себя очень многихъ, совсѣмъ не принадлежащихъ къ партіи людей. Въ засѣданіи Гос. Думы, которое собралось черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 26 іюля 1914 г., какъ всѣ, конечно, хорошо помнятъ, было демонстрировано чрезвычайное единеніе представителей всѣхъ думскихъ группъ и партій, которое, вѣроятно, чрезвычайно пора-

[1]) «Отчеты о дѣятельности фракціи съ приложеніемъ сборниковъ рѣчей членовъ фракціи въ Государственной Думѣ» (5 выпусковъ за 5 сессій III Гос. Думы и 2 выпуска за 2 сессіи IV Гос. Думы. Спб. 1908—1914 г.г.). См. также «Третья Государственная Дума. «Матеріалы для оцѣнки ея дѣятельности» (Спб., 1912).

зию Вильгельма. Несомнѣнно, объявляя войну, Вильгельмъ представлялъ себѣ, что найдетъ Россію не только разрозненной, разъединенной, и въ раздорахъ; онъ, вѣроятно, думалъ, что раздоры эти примутъ такія же формы, какія они приняли во время японской войны. Разумѣется, если бы это случилось, то одолѣть Россію въ самые первые мѣсяцы борьбы было бы довольно легкой задачей. Но этого, какъ разъ, въ данномъ случаѣ, не произошло. Надо сказать, что заслуга партіи народной свободы въ томъ, что она высказалась, не пропуская ни одного часа, съ полной опредѣленностью, заслуга эта оказалась немаловажной. Именно отъ партіи народной свободы, которая была вождемъ опозиціи, которая только что вела въ Думѣ борьбу съ правительствомъ и намѣревалась продолжать ее въ самыхъ рѣзкихъ формахъ, ожидали, что она, можетъ быть, прежде всего воспользуется этимъ моментомъ для того, чтобы свести свои счеты съ правительствомъ. Но партія народной свободы, въ лицѣ своихъ лидеровъ, хорошо понимала значеніе міровой войны, начатой Вильгельмомъ. Было ясно, что если война будетъ успѣшна для Германіи, она грозитъ прежде всего порабощеніемъ Россіи, къ которому Германія стремилась и раньше, и которое въ торговомъ отношеніи даже частично достигалось при помощи дружелюбныхъ условій, которыя германское правительство заключало съ русскимъ императорскимъ дворомъ, иногда даже цѣной обѣщаній оказать содѣйствіе въ подавленіи тѣхъ внутреннихъ неурядицъ, которыя могли бы привести въ опасное положеніе существовавшее правительство и царствовавшую у насъ династію. Съ другой стороны, тѣ виды, которые преслѣдовалъ германскій императоръ при объявленіи войны, очевидное стремленіе его властно наложить свою тяжелую руку на все то, что идетъ на юго-востокъ отъ Германіи, черезъ Константинополь, по Богдадской дорогѣ къ Персидскому заливу, виды эти сталкивались несомнѣнно съ самыми существенными экономическими интересами Россіи. Виды Вильгельма, разумѣется, являлись имперіалистическими, это были послѣдніе напряженные поиски рынковъ черезъ Турцію съ подчиненіемъ всѣхъ попутныхъ странъ, послѣ ряда неудачъ въ другихъ мѣстахъ—съ цѣлью найти выгодный сбытъ для предметовъ разросшейся германской промышленности. Для насъ, наоборотъ, тутъ дѣло шло не о какихъ-либо имперіалистическихъ видахъ, а о самыхъ элементарныхъ жизненныхъ интересахъ—объ обезпечніи свободнаго провоза черезъ проливы нашего хлѣба и другихъ произведеній земли. Тутъ дѣло для насъ не въ поискахъ рынковъ для эксплоатаціи другихъ менѣе развитыхъ странъ; наоборотъ, мы являемся въ этомъ

дѣлѣ пассивной стороной, потому что мы вывозимъ изъ нашихъ южныхъ портовъ не предметы обрабатывающей промышленности, а, главнымъ образомъ, предметы земледѣлія. Мы пользовались до сихъ поръ этими проливами, начиная съ начала XIX вѣка, при довольно благопріятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что они принадлежали и принадлежатъ формально до сихъ поръ слабой Турціи, по отношенію къ которой мы всегда могли установить тѣ условія, на которыхъ мы могли пользоваться этими проливами болѣе или менѣе невозбранно. Если бы эти проливы попали во владѣніе Германіи, въ томъ или иномъ видѣ, разумѣется, она обладала бы возможностью запирать ихъ для нашей торговли, такъ или иначе регулировать ее, имѣла бы возможность пропуска черезъ эти проливы, можетъ быть, вражескаго флота. Справедливо было сказать, что проливы эти являются какъ бы дверью отъ нашего дома и потому для насъ являлось бы желательнымъ получить возможность создать какой-нибудь укрѣпленный пунктъ на этихъ проливахъ, который бы являлся замкомъ, охраняющимъ доступъ къ нашимъ южнымъ Черноморскимъ берегамъ. Все это сталкивало насъ, Россію, съ Германіей на самыхъ жизненныхъ въ отношеніи Россіи интересахъ. Поэтому вопросъ тотъ являлся для насъ не шуточнымъ. Кромѣ того, война началась при усовліи нарушенія со стороны Германіи правъ мелкихъ національностей, народностей, въ отношеніи защиты которыхъ (въ особенности народностей Балканскаго полуострова) на насъ лежала какъ бы налагаемая на насъ нашей прошедшей исторіей обязанность, скрѣплявшаяся столѣтними международными отношеніями. Такимъ образомъ, по своему значенію война между Россіей и Германіей являлась абсолютно несравнимой съ той войной, которую мы вели въ 1904—5 г.г. съ Японіей; ибо та война являлась послѣдствіемъ искусственной и нелѣпой авантюры и съ другой стороны по послѣдствіямъ своимъ не грозила ни существованію Россійскаго Государства, ни непоправимымъ разгромомъ, могущимъ послужить сигналомъ къ ея развалу, или порабощенію. Тутъ же, наоборотъ, являлась очевидная угроза самымъ жизненнымъ нашимъ интересамъ. Вотъ почему, естественно, война эта должна была послужить объединяющимъ всѣ народныя силы обстоятельствомъ для отраженія грознаго внѣшняго врага. Партія народной свободы, когда она сразу заняла соотвѣтствующее моменту положеніе, сразу же получила и назначеніе руководящей партіи въ Государственной Думѣ. Несмотря на то, что въ 4-й Государственной Думѣ партія народной свободы имѣла немногимъ больше голосовъ, чѣмъ въ 3-й—число ихъ не достигало 60—но именно благодаря тому, что

наши лидеры сумѣли правильно и безъ колебаній оцѣнить эти міровыя событія, за ними пошла вся Дума; а такъ какъ Дума, руководимая партіей народной свободы, подала примѣръ объединенія всей странѣ и дала, такимъ образомъ, своевременно въ наиболѣе отвѣтственный моментъ вѣрный лозунгъ, за которымъ страна пошла, то благодаря всему этому и Дума въ глазахъ всего населенія получила вновь совершенно особое значеніе. Надо вѣдь сказать, что Дума, начиная съ 3-го своего созыва, чрезвычайно упала въ глазахъ населенія, которое стало на нее смотрѣть не какъ на органъ народнаго представительства, а какъ на какую-то безсильную машину, при томъ представляющую вовсе не интересы народа, а только командующихъ классовъ.—И вотъ, несмотря на это, въ этотъ отвѣтственный моментъ государственной жизни, Дума, благодаря той тактикѣ, которая была указана партіей народной свободы, вновь стала во главѣ объединенной страны. На Думу опять невольно стали обращаться всѣ взгляды, какъ на первую Думу въ дни ея блеска и славы, въ дни общихъ на нее упованій. Это новое положеніе Думы, конечно, сыграло огромную организующую роль въ настроеніи всего общественнаго мнѣнія страны. Съ этого момента, собственно, лидеры нашей партіи получили возможность, ведя за собой Думу, вести въ значительной мѣрѣ за собой и мнѣніе всей страны; сила ихъ отъ этого чрезвычайно увеличилась.

Разумѣется, всякое разумное правительство должно было бы этимъ положеніемъ воспользоваться, и когда стало ясно, что вчерашняя опозиція прекращаетъ борьбу и заявляетъ о полной готовности всячески содѣйствовать этому правительству во внѣшней борьбѣ, какъ бы она, эта опозиція, не относилась къ нему въ дѣлахъ внутренней политики,—всякое разумное правительство должно было бы съ открытыми объятіями встрѣтить этотъ почипъ. Но наше правительство до такой степени привыкло воевать, не столько во-внѣ, сколько внутри страны, что оно, вѣроятно, не повѣрило въ дѣйствительность этой политики, этой тактики, провозглашенной партіей народной свободы; оно и тутъ съ чрезвычайной подозрительностью продолжало относиться ко всякой формѣ общественнаго содѣйствія, ко всякому общественному почину. Первые мѣсяцы войны даже тѣ общественныя организаціи, которыя возникли въ видѣ земскаго и городского союзовъ, получили возможность принимать участіе только въ обслуживаніи раненыхъ и больныхъ воиновъ, но въ обслуживаніи самой обороны страны ихъ участіе не допускалось. Пока въ первые мѣсяцы войны дѣла наши на войнѣ шли довольно удачно, правительство, какъ будто бы, могло даже торжествовать, что

вотъ оно, несмотря на прежніе раздоры, преодолѣвъ опозицію, удачно ведетъ войну. Но эти иллюзіи очень скоро должны были быть отброшены. Очень скоро стали возникать слухи, сперва, что далеко не все обстоитъ благополучно, что у насъ нѣтъ въ достаточномъ количесвѣ боевыхъ запасовъ, что дѣлаются чрезвычайныя злоупотребленія, которыя даромъ въ ближайшемъ будущемъ не пройдутъ. Поэтому въ закрытомъ засѣданіи Думы, собранномъ въ январѣ 1915 г., опять-таки представители партіи народной свободы, главнымъ образомъ, П. Н. Милюковъ и А. И. Шингаревъ, сочли своимъ долгомъ съ полной откровенностью и рѣзкостью сообщить правительству всѣ тѣ свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ, которыми они въ это время располагали, и всѣ тѣ сомнѣнія относительно возможности дальнѣйшаго успѣха въ войнѣ при продолженіи той правительственной политики, того способа веденія хозяйства въ военномъ дѣлѣ, котораго придерживалось правительство. Представители правительства очень нагло, въ особенности устами Николая Маклакова, отвѣчали на эти заявленія, стараясь показать, что они совершенно не обоснованы и не согласуются съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ; наглость ихъ дошла до того, что они, провоцируя нашихъ ораторовъ, говорили имъ: «если хотите, скажите это въ открытомъ засѣданіи, мы не испугаемся, а дадимъ вамъ должный отвѣтъ». Это происходило въ январѣ, а весной 1915 начались уже первые симптомы того разгрома, который стала терпѣть наша армія исключительно благодаря отсутствію въ нужный моментъ снарядовъ. Всѣ помнятъ, конечно, при какихъ условіяхъ началось отступленіе изъ Галиціи, какъ оказалось, что тотъ же самый военный министръ, который два мѣсяца передъ тѣмъ увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно, что если и есть временная недохватка въ снарядахъ, то эти недочеты будутъ быстро пополнены, потомъ, какъ это выяснилось, оказался полнымъ банкротомъ, притомъ банкротомъ злостнымъ, прямо связаннымъ съ предательствомъ и измѣной.

Передъ лицомъ русскаго общества стали обнаруживаться различныя злоупотребленія и ужасающіе факты измѣны. Правительство въ этотъ моментъ растерялось, и когда въ Думѣ представители оппозиціи вынуждены были передъ лицомъ враговъ заговорить съ правительствомъ другимъ языкомъ, то оно очень быстро пошло на уступки: не только были уволены наиболѣе ненавистные министры: Маклаковъ, Щегловитовъ, Сухомлиновъ и Саблеръ, но правительство пошло и на болѣе существенныя уступки. Съ одной стороны, общественнымъ организаціямъ была предоставлена полная возможность уже непосредственнаго участія въ войнѣ, въ обслуживаніи самой обороны,

за что общество взялось съ чрезвычайнымъ воодушевленіемъ; съ другой стороны, правительство вынуждено было признать неизбѣжность допущенія впредь контроля Думы за его дѣйствіями. Нѣкоторое время казалось, что, можетъ быть, цѣной этой страшной катастрофы, все-таки дѣло наладится, и правительство, вынужденное пойти на уступки, наконецъ, послушалось общественнаго мнѣнія и того голоса разума, съ которымъ въ этомъ случаѣ къ нему обращалась думская оппозиція. Но это продолжалось чрезвычайно недолго. Какъ только главный напоръ нѣмцевъ прекратился, какъ только нашествіе остановилось, и частично, кое-гдѣ, начались отдѣльные успѣхи нашихъ геройскихъ войскъ, правительство оправилось и сочло, что настало моментъ, когда оно можетъ повернуть свой фронтъ и обмануть во всѣхъ тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя оно только что дало. Однако, въ этотъ моментъ Дума оказалась настолько уже сплоченной, настолько единодушной, благодаря силѣ того единенія, которое было проведено съ самаго начала войны, что и эта Дума, несмотря на свой третье-іюньскій составъ, оказалась способной поддерживать борьбу съ правительствомъ и, въ концѣ-концовъ, подъ руководительствомъ нашихъ партійныхъ вождей, это очень скоро привело, какъ вы знаете, къ образованію довольно прочнаго парламентскаго блока, который заключался въ томъ, что всѣ объединившіяся въ немъ партіи, за исключеніемъ крайнихъ лѣвыхъ, представителей которыхъ было вообще въ Думѣ менѣе 20 человѣкъ, и крайнихъ правыхъ, которые оставались въ сторонѣ отъ всего этого движенія,—примкнули къ выработанной, по инціативѣ П. Н. Милюкова, программѣ, поддержанной однимъ изъ талантливыхъ націоналистовъ, В. В. Шульгинымъ, вполнѣ искренно присоединившимся къ этому движенію и ради интересовъ родины забывшимъ въ этотъ моментъ свои прежніе партійные счеты съ думскими либералами и демократами. Программа этого блока, конечно, являлась для партіи народной свободы лишь ничтожнымъ минимумомъ основныхъ ея требованій, но за то въ этомъ минимумѣ не было ничего имъ противорѣчащаго, между тѣмъ какъ отъ нашихъ прежнихъ противниковъ справа она потребовала, дѣйствительно, большихъ уступокъ въ ихъ программныхъ требованіяхъ; даже скажу больше: она потребовала отъ нихъ отказа отъ той политики, отъ той тактики, въ особенности по отношенію къ различнымъ національностямъ, населяющимъ Россію, которую они до сихъ поръ преслѣдовали. Конечно, людямъ мало освѣдомленнымъ могло казаться, что партія народной свободы также пошла на большіе компромиссы, принявъ эту блоковую

программу, но надо одно констатировать: что каждый пунктъ этой программы, какія бы маленькія улучшенія онъ ни проводилъ, все-таки проводилъ ихъ по направленію къ требованіямъ нашей программы. Въ этой программѣ блока нѣтъ ни одного пункта, который бы противорѣчилъ нашей программѣ; всѣ они не достигали полностью тѣхъ принциповъ, которые выставлены въ нашей партійной программѣ, но всѣ эти пункты программы блока—и по національнымъ вопросамъ, и по вопросу о реформированіи земства, и по организаціи населенія при помощи введенія на мѣстахъ мелкой земской единицы, представляли собою замѣтные шаги въ сторону демократизаціи земства, демократизаціи мелкаго самоуправленія и, хотя и не въ полномъ объемѣ, но все-таки отвѣчали нашей программѣ, а не противорѣчили ей. Такимъ образомъ, своевременное осуществленіе этой программы явилось бы, въ сущности говоря, хотя и не большимъ, но все-таки частичнымъ шагомъ къ осуществленію нашей партійной программы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во главу этой программы ставилось требованіе не частичнаго увольненія наиболѣе ненавистныхъ министровъ, но увольненіе всѣхъ министровъ, стоящихъ у власти, и замѣна ихъ министерствомъ, пользующимся довѣріемъ страны. Въ этомъ практически и заключалась основная цѣль блока. Какъ только правительство сообразило, что оно имѣетъ дѣло съ большинствомъ Думы, съ большинствомъ, опирающимся при томъ на единодушное мнѣніе широкихъ слоевъ населенія, сейчасъ же оно стало дѣлать попытки такъ или иначе или расколоть блокъ, или, если невозможенъ его расколъ, то не давать ему дѣйствовать. Каждый разъ, когда Дума, собравшись послѣ роспуска, начинала налаживать законодательную работу, правительство распускало ее подъ самыми незначительными, вздорными предлогами. Тутъ же, одновременно, происходила и быстрая смѣна министровъ, когда нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Горемыкинъ, не рисковали явиться передъ Думой, только что неправомѣрно распущенной. Горемыкинъ поэтому былъ замѣненъ Штюрмеромъ; затѣмъ смѣнился цѣлый рядъ другихъ министровъ, которые не могли совладать съ тѣми задачами, которыя ставились имъ самими обстоятельствами жизни; нѣкоторые увольнялись, наоборотъ, именно потому, что начинали пріобрѣтать симпатію со стороны Думы, какъ, напримѣръ, министръ земледѣлія Наумовъ, который былъ немедленно уволенъ, какъ только оказалось, что онъ можетъ, пожалуй, опираться на большинство Гос. Думы, когда Дума ему одному изъ всего

кабинета опредѣленно выразила въ извѣстный моментъ свое довѣріе... Все это, въ концѣ концовъ, чрезвычайно расшатывало власть. Расшатываніе власти достигло своего апотея тогда, когда былъ уволенъ въ отставку министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, уволенный, повидимому, только за то, что онъ рѣшился въ свое время протестовать противъ допущенія обстоятельствъ, позорящихъ семейную жизнь монарха и того совершенно незаконнаго вліянія императрицы и клики, которая ее окружала, которое вызывало всеобщее возмущеніе въ странѣ. Послѣ увольненія въ отставку Сазонова на его мѣсто былъ назначенъ тотъ самый Штюрмеръ, который былъ въ то время и предсѣдателемъ совѣта министровъ и который уже давно успѣлъ пріобрѣсти извѣстность своими злоупотребленіями. Въ этотъ моментъ правительственная разруха, правительственныя безобразія достигли крайнихъ предѣловъ; дальше это положеніе нельзя было терпѣть и въ интересахъ успѣха самой войны, тѣмъ болѣе, что относительно самого Штюрмера и относительно лицъ, его окружавшихъ, появились совершенно достовѣрныя свѣдѣнія о тѣхъ корыстныхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ совершаться, вплоть до продажи интересовъ Россіи внѣшнему врагу. Когда на очередь выдвинулся этотъ вопросъ, партія народной свободы признала, что *наступилъ моментъ, когда и во время войны, передъ лицомъ внѣшняго врага, все-таки приходится рѣшиться на опредѣленное, рѣшительное нападеніе на правительство.* Это нападеніе и было сдѣлано въ рѣчи П. Н. Милюкова 1-го ноября прошлаго года. Всѣмъ памятно, какое значеніе имѣла эта рѣчь, какое произвела она впечатлѣніе въ самыхъ различныхъ кругахъ русскаго общества отъ правыхъ до лѣвыхъ включительно; какъ послѣдующій рядъ рѣчей другихъ ораторовъ, создавшихъ цѣлую противоправительственную кампанію, хотя и повлекъ, въ концѣ концовъ, еще одинъ роспускъ Думы, но вызвалъ такое широкое объединеніе общества, охваченное чувствомъ общаго негодованія, что это, конечно, и должно считаться настоящимъ идейнымъ толчкомъ къ началу того движенія, которое вслѣдъ затѣмъ развилось съ чрезвычайной быстротой въ демократическихъ кругахъ народа и въ самой арміи. Едва ли нужно вспоминать теперь тѣ перипетіи борьбы, которыя всѣ мы пережили въ послѣднее время. Всѣ мы помнимъ, какъ внезапно, хотя и не неожиданно началось возстаніе и какъ оно привело къ неожиданнымъ по своей полнотѣ результатамъ. Неожиданнымъ это возстаніе можетъ считаться, конечно, только въ смыслѣ выбора

момента, потому что сперва предполагалось, что движеніе начнется 14 февраля, но тогда оно было отмѣнено и началось недѣлю спустя, повидимому, неожиданно даже для лѣвыхъ вождей Думы. Въ результатѣ пролетаріатъ, объединившійся съ арміей, достигъ полной побѣды надъ правительствомъ, сбросилъ не только самодержавіе самого царя, монархію, но и поставилъ передъ народомъ возможность выбрать любую форму правленія. Многіе считали, что въ этомъ дѣлѣ партія народной свободы и другія болѣе умѣренныя партіи, нежели лѣвыя группы, производящія переворотъ, просто будутъ теперь пожинать плоды того, что имъ дано народнымъ возстаніемъ. Я считаю, что такое мнѣніе несправедливо; я считаю, что хотя партія народной свободы не участвовала въ непосредственной борьбѣ на улицахъ, быть можетъ не участвовала и въ подготовкѣ солдатъ, въ смыслѣ непосредственной пропаганды, — но самое распространеніе рѣчей нашихъ лидеровъ среди солдатъ явилось, можетъ быть, наиболѣе могущественнымъ средствомъ этой подготовки, — и я думаю, мы можемъ утверждать, что партія народной свободы, въ лицѣ своихъ лидеровъ, имѣетъ весьма реальную заслугу въ дѣлѣ подготовленія этого побѣдоноснаго движенія. Я думаю, что безъ рѣчи П. Н. Милюкова 1 ноября, безъ этого мужественнаго и смѣлаго выступленія, можетъ быть, не удалось бы такъ единодушно поднять не только пролетаріатъ, но и армію. Вѣдь возстаніе пролетаріата не могло бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы навстрѣчу ему не пошла армія, а не для кого не секретъ, какое вліяніе на армію, въ смыслѣ опредѣленія ея отношенія къ правительству и къ текущимъ событіямъ, оказывали рѣчи нашихъ лидеровъ. Поэтому мы можемъ въ этомъ отношеніи быть вполнѣ спокойны въ томъ отношеніи, что наша партія въ данномъ случаѣ хорошо и вѣрно исполнила свой долгъ передъ страной, но я думаю еще и другое: вѣдь, въ сущности говоря, не только эти рѣчи, явившіяся первымъ выраженіемъ весьма рѣзкихъ нападеній на существовавшій строй, сыграли въ этомъ случаѣ существенную роль, но сыграла не менѣе существенную роль и вся та тактика партіи народной свободы, которую она проводила съ самаго начала войны. Я полагаю, что это движеніе могло удасться такъ блестяще именно благодаря тому единодушію, которое вырабатывалось въ этомъ отношеніи въ обществѣ. Единодушіе это было вызвано, съ одной стороны, безумной политикой самого правительства, упрямой и капризной волей низложеннаго теперь монарха, а, съ другой стороны, оно было сковано искусной тактикой партіи народной свободы, лидеры которой сумѣли объединить всю Думу, сумѣли своевре-

менно поставить Думу во главѣ народа, сумѣли сдѣлать это въ тотъ моментъ, когда она, по своей предшествующей дѣятельности, не имѣла, повидимому, на это никакихъ шансовъ и, такимъ образомъ, разомъ подготовили широкій успѣхъ движенія въ широкихъ рядахъ войскъ. Я думаю, эта сторона дѣятельности партіи народной свободы для будущаго историка будетъ несомнѣнной. Поэтому намъ нѣтъ основанія смущаться тѣми заявленіями, которыя иногда приходится слышать, что мы въ этомъ движеніи не участвовали, а хотимъ воспользоваться готовыми результатами чужого дѣла: дѣло, т., было общее. Мы, конечно, можемъ только преклониться передъ той готовностью жертвовать жизнью, которая была обнаружена со стороны участвовавшихъ въ этомъ движеніи рабочихъ и солдатъ, но мы не можемъ отказаться отъ той доли идейнаго участія въ этомъ движеніи, которая, несомнѣнно, намъ принадлежитъ.

Теперь, когда это движеніе достигло успѣха, наша партія, на первый взглядъ, попала въ довольно странное положеніе: если считать, что существованіе нашей партіи обусловливается только исключительно осуществленіемъ выставленной ею программы, то можно было бы сказать, что теперь мы не только достигли всего того, что обозначено въ нашей программѣ въ отношеніи желательнаго политическаго строя, но достигли даже болѣе того, что въ ней обозначено. Такимъ образомъ можетъ явиться вопросъ: нужно ли существованіе нашей партіи, разъ все это достигнуто? Можетъ быть въ дальнѣйшемъ намъ нечего будетъ дѣлать? Конечно, утверждать это—было бы величайшимъ заблужденіемъ, ибо практическая программа партіи никогда не можетъ считаться выраженіемъ в с ѣ х ъ ея идейныхъ стремленій, не можетъ выражать полностью всѣхъ ея идейныхъ основъ. Я уже говорилъ, что самымъ цѣннымъ, самымъ глубокимъ достояніемъ каждой партіи является не ея партійная программа, а ея идейная основа; программа можетъ мѣняться, идейныя основы партіи остаются незыблемыми. Несомнѣнно, намъ придется очень много поработать для осуществленія въ жизни нашихъ идейныхъ основъ при новомъ политическомъ строѣ. Единственнымъ вопросомъ, который передъ нами ставится съ чрезвычайной рѣзкостью послѣдними событіями, является вопросъ о формѣ правленія. Дѣйствительно, было бы трудно удержать ту позицію, которую мы заняли на второмъ партійномъ съѣздѣ, сказавъ, что ближайшимъ требованіемъ политическаго устройства Россіи является установленіе парламентарной монархіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время обстоятельства настолько рѣзко измѣнились, что мы не

можемъ остаться при этомъ мнѣніи. Съ одной стороны, явилась полная возможность осуществленія республики, съ другой—тѣ 12 лѣтъ, которыя протекли съ того времени, вѣдь они протекли не даромъ. Даже самые убѣжденные изъ нашихъ монархистовъ, несомнѣнно, могли за эти 12 лѣтъ поколебаться въ своихъ убѣжденіяхъ. Прежде всего, тѣмъ изъ нихъ, которые считали, что именно въ Россіи, по ея пространству, по разнообразію ея населенія—единственной формой правленія, которая можетъ давать объединеніе, является монархія,—имъ былъ данъ на протяженіи 12 лѣтъ чрезвычайно яркій, показательный урокъ на ту тему, какъ эта монархія никого не объединила, а если въ чемъ кого и объединила, то только въ ненависти къ самой себѣ. Затѣмъ, та безумная политика, которую монархъ нашъ практиковалъ, тѣ скандалы, которые совершенно уничтожили весь престижъ царской власти въ глазахъ народа, являлись самой могущественной пропагандой передъ широкими слоями населенія противъ монархіи. Конечно, теперь никто изъ насъ не можетъ сказать, что предполагаемая народная воля будетъ за монархію, и что поэтому мы не можемъ объявить своей ближайшей цѣлью республику. Эти соображенія для центральнаго комитета партіи народной свободы пріобрѣли въ настоящее время значеніе очевидности. Въ томъ засѣданіи центральнаго комитета, которое разсматривало этотъ вопросъ, состоялось единогласное постановленіе о томъ, чтобы § 13 нашей программы былъ измѣненъ соотвѣтствующимъ образомъ; чтобы въ немъ было указано, что Россія должна быть не конституціонной монархіей, а демократической республикой: разумѣется «демократической» республикой, а не какой-нибудь иной, потому что безъ этой прибавки мы не могли бы выполнить нашихъ идейныхъ основъ. Конечно, мы можемъ стоять только за демократическую республику, потому что республика, основанная на цензовомъ избирательномъ правѣ оказалась бы болѣе противорѣчащей нашимъ партійнымъ основамъ, нежели демократическая парламентская монархія. Я долженъ еще сказать, что независимо отъ того урока, который данъ Россіи монархіей, мы присутствовали въ теченіе послѣдней войны также при весьма разительныхъ впечатлѣніяхъ отъ поведенія монарховъ и въ другихъ странахъ. Мы видимъ, что въ сравнительно маленькихъ государствахъ, въ которыхъ форма правленія приближается къ парламентарной монархіи, одна капризная воля монарха въ критическій моментъ государственной жизни, какъ въ настоящее время, во время міровой войны, можетъ поставить на карту самые существенные интересы го-

сударства. Разъ это является также чрезвычайно важнымъ доводомъ противъ монархіи. Я думаю, что предоставленіе рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ народной жизни — объявленія войны, заключенія міра и проч.,—монарху, что имѣетъ мѣсто въ большинствѣ парламентарныхъ монархій, теперь, послѣ того опыта, который мы имѣемъ, представляется всѣмъ намъ недопустимымъ. Поэтому, мнѣ думается, что нѣтъ никакой возможности сомнѣваться, что нашъ партійный съѣздъ, который является единственнымъ правомочнымъ учрежденіемъ для измѣненія программы, въ этомъ пунктѣ измѣнитъ эту программу такъ, какъ высказывался нашъ центральный комитетъ [1]). Надо сказать, что тутъ, конечно, явится матеріалъ для пересмотра нѣкоторыхъ другихъ частей нашей политической программы; явится вопросъ, какой республиканскій строй мы желаемъ: демократическій, парламентарный или, можетъ быть, непосредственной демократіи, демократіи плебесцитарной? Здѣсь есть рядъ теоретическихъ возможностей, которыя придется, быть можетъ, обсуждать. Я не сомнѣваюсь, что въ Россіи можетъ быть только строй республики парламентарной, т. е., республики, при которой страной управляетъ избираемый парламентами президентъ при помощи министерства, отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ. Этотъ строй является для насъ наиболѣе удобнымъ и за проведеніе его мы будемъ, какъ я себѣ представляю, бороться въ учредительномъ собраніи и во время предвыборной агитаціи передъ учредительнымъ собраніемъ.—Вотъ тѣ новыя задачи, которыя стоятъ передъ нашей партіей въ этомъ отношеніи. Но надо сказать, что во время такой переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, которая сейчасъ наступаетъ, во время той огромной встряски, которую испытала вся Россія, весьма вѣроятно, что на учредительномъ собраніи встанутъ ребромъ и соціальные вопросы. Поэтому будетъ умѣстно теперь же пересмотрѣть и нашу соціальную программу. Я не думаю, чтобы намъ пришлось въ этомъ отношеніи сдѣлать существенныя измѣненія; я думаю, что крестьянство за эти 12 лѣтъ стало въ значительной мѣрѣ мыслить реально; поэтому едва ли оно будетъ увлекаться тѣми перспективами, которыя даютъ различныя демагогическія провозглашенія, въ родѣ новѣйшихъ провозглашеній соціалъ-демократической партіи, которая обѣщаетъ конфискацію земель. Конфискація земель, конечно, является въ нашихъ современныхъ условіяхъ вещью совершенно недопустимою, крайне

[1]) Черезъ нѣсколько дней послѣ этой лекціи, VII партійный съѣздъ, выслушавъ блестящій докладъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина на эту тему, единогласно постановилъ признать необходимой для Россіи формой правленія *парламентарную демократическую республику*.

 6

несправедливою. Предлагается вѣдь только конфискація земель, но почему же не предлагается, въ такомъ случаѣ, конфискація домовъ и проч. имущества? Вѣдь если ужъ ставить вопросъ о соціализаціи имуществъ, то нужно было бы говорить о соціализаціи всѣхъ имуществъ въ томъ числѣ и крестьянскихъ земель и городскихъ домовъ и фабрикъ. Такъ какъ соціалъ-демократы не ставятъ такимъ образомъ этотъ вопросъ, то это и обличаетъ демагогичность даннаго пункта ихъ новоявленной программы. Я думаю, что большинство крестьянства будетъ склонно удовлетвориться тѣми принципами поземельнаго устройства, которые изложены въ нашей программѣ. Поэтому, если явится необходимость въ чемъ-либо пересмотрѣть программу партіи народной свободы, то только относительно способовъ передачи земель во владѣніе населенія и формъ владѣнія переданной землей. Вотъ тутъ трудно будетъ теперь отстаивать даже въ великорусскихъ губерніяхъ то общинное землевладѣніе, которое ранѣе мы считали желательнымъ, хотя, впрочемъ, и тогда мы не ставили это, какъ непремѣнное требованіе, а предоставляли самому крестьянству выбирать форму землевладѣнія. Конечно, въ остальныхъ частяхъ Россіи сами крестьяне могутъ ставить требованіе утвержденія системы мелкой собственности или мелкаго землевладѣнія, мелкаго землепользованія на извѣстныхъ условіяхъ. Все это допускается и нашей аграрной программой.—Что касается рабочаго вопроса, то въ этомъ отношеніи опять-таки наша программа настолько идетъ далеко въ своихъ требованіяхъ, что, я думаю, удовлетворитъ большинство рабочихъ въ настоящее время, ибо и соціалъ-демократы дальше 8-ми часового рабочаго дня, свободы стачекъ и забастовокъ, введенія охраны труда, примирительныхъ камеръ, государственнаго страхованія и тому под. учрежденій не идутъ, а все это входитъ и въ нашу программу.

Такимъ образомъ, хотя я и не отвергаю желательности, при данныхъ условіяхъ, пересмотра различныхъ частей нашей программы, но не думаю, чтобы основныя ея части потребовали какихъ-нибудь серьезныхъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что для насъ важно признаніе одного положенія—это, что идейныя основы нашей партіи, демократическія ея основы, выражающіяся въ старомъ лозунгѣ: «свобода, равенство, братство», осуществляемомъ путемъ свободнаго отъ всякихъ давленій выраженія народной воли—останутся незыблемыми и объединятъ насъ въ будущей нашей работѣ въ обновленной кореннымъ образомъ странѣ!

